

В свою очередь, проблемным вопросом является реализация принципа избирательности при проведении военных киберопераций. Согласно ст. 51 ДП запрещено использование видов вооружений неизбирательного типа, воздействие которых не может быть ограничено только военными целями. Следует признать, что в своем большинстве кибератаки имеют избирательный характер, поскольку планируются и осуществляются применительно к конкретным объектам информационной инфраструктуры. Вместе с тем в условиях цифровой глобализации весьма сложно спрогнозировать весь каскад возможных последствий, которые могут затронуть неопределенный круг лиц. Например, спутниковая система связи, используемая вооруженными силами, является законным объектом нападения. Однако выведение из строя спутника может повлечь сбои в работе гражданских экстренных служб, что причинит неизбирательный ущерб гражданскому населению.

Кроме того, неизбирательным действием могут обладать такие средства ведения разведки и киберопераций, как распространение вредоносных программ, которые изначально спроектированы для самостоятельного и неизбирательного воздействия на широкий круг компьютерных систем. В результате в условиях сети Интернет атака с применением данных средств на конкретную систему может привести к неизбирательным последствиям. Таким образом, полагаем, что при создании соответствующих инструментов проведения кибератак в условиях вооруженных конфликтов необходимо учитывать соответствующие нормы МГП.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о применимости тех либо иных статусов, предусмотренных МГП (комбатант, военнопленный, наемник и др.), к лицам, причастным к осуществлению кибератак и операций в условиях вооруженного конфликта международного характера. Речь идет о тех случаях, когда указанные действия совершаются лицами, не входящими в состав вооруженных сил, а во многих случаях находящимися за пределами воюющих государств и не являющимися их гражданами.

Например, 26 февраля 2022 г. правительство Украины призвало хакеров-любителей всего мира присоединиться к его «ИТ-армии» и начать атаки против российских целей. Всемирно известный хакерский коллектив Anonymous в первый же день войны объявил, что тоже начнет кибервойну против России.

Полагаем, что в случае расширительного толкования ст. 13 Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях» участники такой «ИТ-армии», которые являются гражданами Украины либо находящиеся на ее территории, могут быть причислены к комбатантам. Однако при этом на них должны распространяться обязанности по соблюдению норм МГП.

Сходного мнения придерживается заместитель директора женевской неправительственной организации Cyber Peace Institute Бруно Халопо. По его мнению, эти кибервоины не осознают, что их участие в конфликте регулируется МГП. Принимая активное участие в этом конфликте, они могут утратить правовой статус гражданского лица и оказаться в положении комбатантов. Тем самым они рискуют подвергнуться ответному удару со стороны государства, на объекты которого они нападают, и стать после войны субъектами потенциального судебного разбирательства. В свою очередь, действия лиц, принимающих участие в подобных кибероперациях из корыстной заинтересованности, должны подпадать под признаки наемничества, а сами лица – привлекаться к юридической ответственности.

Таким образом, в условиях развития новых способов достижения военных целей в условиях международных вооруженных конфликтов требуют переосмысления и совершенствования подходы МГП к ограничению средств проведения киберопераций, целей, на которые они могут быть направлены, а также определения статуса лиц, принимающих участие в проведении кибератак военного характера.

УДК 340.114.5

Е.И. Стабровский

ЗНАЧЕНИЕ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЯ: АНТРОПОЛОГО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Перспективным направлением совершенствования деятельности по формированию правосознания правонарушителей является обращение к правовому сознанию правоприменителя. Ввиду универсальности структуры правового сознания личности его содержательные характеристики у правоприменителя должны быть максимально устойчивыми на бытийном уровне (правовые эмоции, чувства и пр.), максимально развитыми на рефлексивном уровне (правовые знания, представления, нормативные правовые ценности и пр.) и максимально принятыми на личностно-ценностном уровне (личностные правовые ценности).

Правоприменителю в процессе реализации юридической ответственности в отношении правонарушителя необходимо стремиться к достижению установленных законодательством целей. В случае отсутствия соответствующих характеристик правового сознания правоприменителя и необходимости их формирования у правонарушителя успешная реализация юридической ответственности в виде исправления становится затруднительной.

Отсутствие требуемых характеристик правового сознания у конкретного правоприменителя может быть компенсировано за счет привлечения к формирующей деятельности другого правоприменителя. Также возможные сложности в деятельности правоприменителя, связанные с его правовым сознанием, могут быть компенсированы путем дополнительного законодательного регулирования, не требующего осуществления усмотрения, в том числе локальными актами, а также с помощью участия вышестоящих должностных лиц и соответствующих органов. Вышестоящие государственные органы конкретизируют пределы усмотрения и таким образом обеспечивают соблюдение установленных законодательством требований.

Вместе с тем значение правового сознания правоприменителя при реализации юридической ответственности не уменьшается. Реализация юридической ответственности во многом связана с вынесением решений, требующих усмотрения. Особенно

актуальным этот вопрос является в сфере исполнения наказаний, которые существенным образом ограничивают права и свободы человека, например лишения свободы. Осуществление усмотрения требуется в вопросах применения мер поощрения и взыскания, определения степени исправления, изменения условий отбывания наказания, досрочного освобождения от наказания.

Усмотрение осуществляется на основании правового сознания правоприменителя. От того, насколько правовое сознание правоприменителя определяется личностными правовыми ценностями, зависит реализация им соответствующих правовых ценностей, закрепленных в законодательстве. Например, правоприменительное решение требует соответствия такой правовой ценности, как справедливость. Д.А. Воропаев отмечает, что «заложенная законодателем в норму права в виде потенциальной справедливости, преломляясь через правосознание правоприменителя, принимает окончательные очертания в решении по юридическому делу, что позволяет говорить о справедливости правоприменительного решения не только с позиции законодателя, но и с позиции правоприменителя».

В процессе реализации юридической ответственности в отношении правонарушителя и формирования его правового сознания правоприменителю следует обеспечивать точное соответствие выполняемой деятельности требованиям законодательства. Так, нормативное закрепление того или иного права осужденного к лишению свободы предполагает обязанность сотрудника исправительного учреждения обеспечить при конкретных условиях реализацию данного права. Сотрудник исправительного учреждения является представителем государства, поэтому, обеспечивая реализацию того или иного права осужденного, он действует не от своего имени и не в своих интересах, а от имени государства и в интересах государства и общества с целью формирования правового сознания осужденного. В этой связи отказ в реализации предусмотренного законодательством права может самым негативным образом отразиться на правовом сознании осужденного. Речь идет о необоснованном отказе, т. е. по неправомерным основаниям. Поэтому декларируемое в законе и необеспеченное в правовой жизни право выступает индикатором несоответствия нормативной и антрополого-правовой реальности.

Подобным образом будет складываться ситуация в случае неисполнения правонарушителем имеющейся обязанности и отсутствия требования ее исполнения со стороны правоприменителя. Несовпадение нормативной и антрополого-правовой реальности препятствует формированию правового сознания как самого правонарушителя, так и других правонарушителей.

В конечном счете необеспечение реализации права правонарушителя, отсутствие требования исполнения им обязанности может стать основанием деаксиологизации правового сознания данного человека или препятствием к формированию правового сознания его или других правонарушителей. В каждом случае подобная ситуация создает дополнительные трудности в комплексной продолжительной деятельности по формированию правового сознания правонарушителя.

Таким образом, формирование правового сознания правонарушителя во многом зависит от правового сознания правоприменителя. Осуществление усмотрения при формировании правового сознания правонарушителя требует проявления правоприменителем личностных правовых ценностей. Успешное формирование правоприменителем правового сознания правонарушителя связано с обеспечением реализации его прав и требованием исполнения возложенных на него обязанностей.

УДК 323.27

А.Ю. Терехов

СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ ВНУТРЕННЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ И ГИБРИДНЫХ ВОЙН ЗАПАДА

Тщетное стремление Соединенных Штатов Америки сохранить свою гегемонию в мире толкает их на авантюрные и опасные действия по дестабилизации отдельных государств и целых регионов для создания точек напряженности, а также для прямого грабежа ресурсов дестабилизируемых стран. При этом одни государства воспринимаются «коллективным западом» как прямые цели для своих агрессивных воздействий, другие – как инструменты для оказания давления на первые. Ярким примером последних является Украина, которую фактически США и их сателлиты превратили в «анти-Россию».

Западом накоплен богатый арсенал продвижения своих интересов и воздействия на отдельные государства. По сути, такое воздействие выступает внешней угрозой суверенитету, а в отдельных случаях – конституционному строю, целостности государства. Однако ряд из применяемых ими способов формируют вызовы внутренней безопасности государства и общества. В данном случае мы акцентируем внимание на тех угрозах, профилактика, выявление и противодействие которым относятся к компетенции органов внутренних дел.

Сегодня можно уверенно утверждать о применении Западом к тем государствам, руководство которых не удается подкупить либо принудить к покорности путем политического шантажа и давления, экономику которых не удается разрушить санкциями, двух способов воздействия: цветных революций и гибридных войн. Часто эти два понятия применяют как синонимы, что не является верным. Основная цель цветной революции – установление внешнего управления в стране посредством государственного переворота под прикрытием массовых протестов. Гибридная война предполагает военную конфронтацию, в том числе с использованием прокси-государств, с применением помимо военной силы комплекса невоенных методов. Технологии цветных революций и невоенные методы гибридных войн имеют много общего, часто одинаковы. Однако гибридные войны все же предусматривают военную интервенцию и применяются в тех случаях, когда достижение цели по внешнему управлению государством путем цветной революции не удается либо когда применение «жесткой силы» является более быстрым, дешевым и безнаказанным способом. Так, например, произошло в Югославии в 1999 г., в Ираке в 2003 г., в Ливии в 2011 г. и т. д.

Одним из хорошо отработанных и поставленных на поток способов продвижения Западом своих интересов в других государствах является дестабилизация гражданского общества и организация так называемых цветных революций. При этом